

Отношеніе классической филологіи къ богословію.

(Рѣчь, читанная на актѣ Московской Духовной Академіи 1 Окт 1910 г.)

Классическая филологія изъ всѣхъ свѣтскихъ наукъ наиболѣе близка къ богословію и необходима ему. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ состоитъ *научное* изученіе предмета? Чѣмъ оно отличается отъ дилетантскаго? Изучая предметъ научно, мы обязаны изучить его въ корнѣ, изучить его источники. Для дилетанта этого не нужно: онъ довольствуется только верхами знанія. Занимающійся богословіемъ научно также долженъ изучить его источники. А источники богословія—Свящ. Писаніе и Свящ. Преданіе — на греческомъ и латинскомъ языкѣ. Правда, подлинный текстъ Ветхаго Завѣта на еврейскомъ и арамейскомъ языкѣ, но и это едва ли даетъ право богослову уклониться отъ изученія перевода IXX, такъ какъ именно этотъ переводъ былъ Библіей Ап. Павла и вообще древнѣйшаго христіанства. Да и вообще произведенія древне-христіанской письменности, необходимыя богослову въ качествѣ источниковъ для рѣшенія всевозможныхъ вопросовъ, касающихся христіанства, написаны главнымъ образомъ на греческомъ и латинскомъ языкѣ. Древне-христіанскія творенія, такимъ образомъ, составляютъ часть классической литературы и, какъ бы ни отличались они по духу отъ ея языческой части,—съ внѣшней стороны, т. е. со стороны языка, приемовъ изложенія, метрики и т. д., они не отличаются отъ остальныхъ произведеній классической литературы. Говоря образно, душа у христіанской и языческой литературы различна, но тѣло одинаково.

Я сказалъ сейчасъ, что христіанская литература похожа на языческую съ внѣшней стороны. Но, какъ въ живомъ

человѣкъ душа неотдѣлима отъ тѣла, такъ и въ сочиненіи мысль неотдѣлима отъ ея словеснаго выраженія: чтобы понять мысль человѣка, надо понять его слова, и, чѣмъ лучше мы поймемъ слова, тѣмъ лучше поймемъ и мысль. Такимъ образомъ, внѣшняя сторона не есть нѣчто маловажное: напротивъ, только черезъ нее мы можемъ уразумѣть и внутреннее содержаніе произведенія.

Но если древне-христіанская литература съ внѣшней стороны составляетъ часть литературы классической, то, очевидно, для изученія этой ея стороны необходимы тѣ же приемы, какъ и для изученія языческихъ сочиненій, которое и составляетъ задачу классической филологіи: всѣ филологическія науки пригодятся при изученіи древне-христіанской письменности.

Такъ, безъ знанія исторіи, религіи, быта, философіи, исторіи литературы древнихъ грековъ и римлянъ нельзя научно изучать древне-христіанской жизни и литературы. „Исслѣдователю историческихъ формъ христіанства такъ же трудно понять ихъ возникновеніе, не обращаясь къ даннымъ греко-римской культуры, какъ для изслѣдователя первоначальнаго христіанства трудно проникнуть въ его духъ, не обращаясь къ В. Завѣту и произведеніямъ позднѣйшей религіозной мысли іудейства“ (слова проф. И. В. Попова въ статьѣ „Элементы греко-римской культуры въ исторіи древняго христіанства“, стр. 5—6). Намъ останется вѣснымъ, напр., даже то, почему Христосъ былъ распятъ на крестѣ, а не преданъ другой какой-нибудь казни, если мы не будемъ знать римскихъ обычаевъ и законовъ. Намъ нельзя изслѣдовать вопроса о христіанскихъ агапахъ, не изучивъ устройства разныхъ языческихъ обществъ римской имперіи. Что касается философіи, то всѣмъ извѣстно, какое сильное вліяніе оказала языческая философія на христіанскую мысль.

Если мы возьмемъ даже такую сравнительно маловажную филологическую науку, какъ метрика, т. е. теорія стихосложенія, то увидимъ, что и она имѣетъ значеніе для уясненія взгляда на христіанскую поэзію. Наши церковныя пѣснопѣнія въ подлинникѣ по б. ч. написаны стихами. Намъ теперь не всегда легко опредѣлить строй этихъ стиховъ. Такую попытку сдѣлалъ, напр., нѣмецкій ученый Christ въ своей

книгѣ *Anthologia graeca sacrum christianorum*, въ которой разобраны съ метрической стороны многія произведенія христіанской поэзіи. Чтобы понять поэтическое достоинство церковныхъ пѣснопѣній, необходимо изучить ихъ и со стороны метрики.

Возьмемъ еще палеографію, т. е. искусство читать древнія рукописи и опредѣлять время ихъ написанія. Какъ можетъ пригодиться эта наука богослову! У насъ въ Россіи, напр. даже въ Москвѣ въ Синодальной библіотекѣ, есть масса греческихъ рукописей съ памятниками христіанской литературы, изъ которыхъ нѣкоторые еще совсѣмъ не изданы, а многіе представляютъ болѣе древній или по крайней мѣрѣ нѣсколько иной текстъ сравнительно съ извѣстнымъ намъ. Для примѣра укажу на греческія рукописи Св. Исаака Сирина, хранящіяся въ Синодальной библіотекѣ: текстъ ихъ отличается отъ печатнаго текста бесѣдъ этого подвижника, и до сихъ поръ онѣ никѣмъ не изслѣдованы. Укажу еще на весьма древнюю рукопись X вѣка, хранящуюся въ библіотекѣ Московскаго Университета и содержащую бесѣды Св. Василія Великаго: повидимому, она до сихъ поръ никѣмъ не была использована.

Но, несомнѣнно, для богослова важнѣе всѣхъ дисциплинъ классической филологіи знаніе самого языка. Можно сказать безъ преувеличенія, что человѣкъ, не знающій греческаго и латинскаго языка, не можетъ шагу ступить въ научной работѣ, касающейся Св. Писанія или древне-христіанской литературы вообще.

Знаніе языка прежде всего нужно для экзегезы текста. Не даромъ Меланхтонъ говорилъ, что для богословскаго пониманія Св. Писанія необходимо сперва пониманіе филологическое ¹⁾; а Лютеръ даже прямо отождествлялъ истинное и высшее богословіе съ филологической экзегезой ²⁾. Въ самомъ Св. Писаніи много словъ и выраженій неясныхъ (см. напр. Православную Богословскую Энциклопедію, т. IX, столб. 715—716). А между тѣмъ мы, слѣдуя заповѣди Спа-

¹⁾ Non potest Scriptura intelligi theologicè, nisi ante intellecta sit grammaticè (Ernesti, *Institutio interpretis Novi Testamenti*. Ed III, pag. 13)

²⁾ Theologiam veram et summam nihil aliud esse, quam grammaticam putabat (Ernesti. *Opuscula phil. crit.*, pag 199)

сителя, что въ Писаніи ни одна іота не должна остаться неисполненной (Мѡ. 5, 18), обязаны всѣми силами стараться уразумѣть смыслъ каждаго слова Писанія не только въ общихъ чертахъ, но и во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ. Какъ же это сдѣлать? Намъ не дано свыше, какъ апостоламъ, дара говорить на чужихъ языкахъ; намъ надо учиться имъ. Но удивительное дѣло: мы гордимся своимъ православіемъ, мы склонны считать себя относительно христіанства выше другихъ народовъ; а между тѣмъ, къ стыду нашему, у насъ нѣтъ никакихъ пособій для изученія Св. Писанія въ подлинникѣ, ни одного комментированнаго изданія, ни одного спеціальнаго словаря, ни одной спеціальной грамматики; а сколько этихъ пособій у западныхъ народовъ, и пособій превосходныхъ!

Еще хуже обстоитъ дѣло съ другими памятниками христіанской литературы—твореніями Св. Отцовъ, житіями Святыхъ, пѣснопѣніями и т. д. Для изученія ихъ въ подлинникѣ не только у насъ, но и на западѣ мало сдѣлано, хотя на насъ лежитъ больше вины за такое пренебреженіе къ христіанской греческой литературѣ, чѣмъ на западныхъ ученыхъ: для насъ сочиненія греческихъ Отцовъ церкви или житія греческихъ Святыхъ или пѣснопѣнія греческой церкви имѣютъ гораздо больше значенія, чѣмъ для католиковъ и протестантовъ. А между тѣмъ съ филологической стороны произведенія христіанской письменности представляютъ нерѣдко значительную трудность, напр. хотя бы сочиненіе Св. Григорія Богослова „Похвальное слово Василию Великому“: приходится собственными силами преодолѣвать эти трудности; безъ солидной филологической подготовки это невозможно.

Но для экзегезы литературнаго памятника мало элементарнаго знанія языка, т. е. знанія только лексической стороны его и грамматики; филологъ долженъ разобрать текстъ также со стороны стилия и риторики. Св. Григорій Богословъ въ „Похвальномъ словѣ Василию Великому“ (Migne S. G. XXXVI, cap. XII, pag 509) столь высоко цѣнитъ краснорѣчіе, что человекъ, не искуснаго въ немъ, уподобляетъ кривому, а св. Василию Великому не забываетъ поставить въ похвалу и то, что онъ въ молодости, во время пребыванія въ Кесаріи, былъ „риторомъ среди риторовъ“—*ὁῖτορ ἐν ῥήτορσι*

(Migne, *ibidem*, cap. XIII, pag. 512). Самого Григорія Богослова византійскіе риторы, т. е. учителя ораторскаго искусства и составители руководствъ по этому предмету, ставятъ наравнѣ съ Демосѣеномъ; одинъ изъ нихъ говоритъ даже, что въ сравненіи съ нимъ Демосѣенъ — дитя — *Ἀποβδέτηρ... παιδὲ ἀπέδειξε* (Іоаннъ Сицилійскій; см. Grégoire de Nazianze, *Discours inédites*, par Boulenger, p. X). Такъ, если сами ученые Отцы церкви такъ цѣнили изящную форму рѣчи, то намъ необходимо, изучая ихъ творенія, непременно обратить вниманіе и на эту сторону, даже иногда указать на различіе въ слогѣ между однимъ и другимъ авторомъ. Не зная риторическихъ теорій того времени, мы многого не поймемъ въ ихъ произведеніяхъ. Приведу примѣръ. Св. Григорій Богословъ въ упомянутомъ мною „Похвальномъ словѣ Василію Великому“, довольно длинномъ, называетъ Василія по имени всего только 5 разъ, да и то всякій разъ съ какимъ-нибудь особеннымъ удареніемъ; въ остальныхъ случаяхъ онъ употребляетъ о немъ то *ἐκεῖνος*, то *ὁ αὐτὸς*¹⁾. При внимательномъ чтеніи это прямо бросается въ глаза: видно, что авторъ нарочно избѣгаетъ собственнаго имени. Почему это? Объясненіе этому даетъ греческая риторика, которая учитъ въ извѣстныхъ случаяхъ называть предметы возможно болѣе общими словами. Вѣроятно, по этой же причинѣ, напр., въ ирмосѣ „Волною морскою“, гдѣ рѣчь идетъ о Моисѣѣ, фараонѣ и евреяхъ, ни одно изъ этихъ лицъ не названо прямо по имени: всѣ они обозначены описательно. Еще примѣръ. Въ „Похвальномъ словѣ Вас. Вел.“ расположеніе отдѣльныхъ частей довольно похоже на расположеніе ихъ въ „Похвальномъ словѣ Кесарію“ того же Григорія Богослова: сперва говорится о предкахъ и родителяхъ восхваляемыхъ лицъ, потомъ о физическихъ ихъ качествахъ, — о красотѣ, высокомъ ростѣ, — затѣмъ объ ихъ воспитаніи и образованіи и т. д. Что за причина такого однообразія? Ужъ не копируетъ ли авторъ самого себя? Нѣтъ, какъ ученый человѣкъ, онъ пишетъ по правиламъ риторики. Въ тогдашнихъ руководствахъ по этому предмету разбираются разные типы сочиненій, даются указанія, что напр. въ похвальномъ словѣ живому человѣку надо говорить о томъ-то и о томъ-то, распо-

¹⁾ См Grégoire de Nazianze, par Boulenger, p XXXVI—XXXVII.

лагать части сочиненія въ такомъ-то порядкѣ; въ надгробномъ словѣ поступать такъ-то и т. д. ¹⁾). Такимъ образомъ, риторика уясняетъ намъ планъ сочиненій Григорія Богослова, а вмѣстѣ съ тѣмъ проливаетъ свѣтъ и на самый процессъ его литературнаго творчества.

Та же риторика объясняетъ и нѣкоторыя другія явленія. Въ церковныхъ пѣснопѣнїяхъ мы замѣчаемъ, напр., нерѣдко то явленіе, которое теперь называется игрою словъ, напр. „*невѣсто неневѣстная*“, „*стѣченное стѣчется море Черное*“, „*смертію смерть поправъ*“, „*преставилася еси животу, мати сущи живота*“, „*утренюеть бо духъ мой ко храму святому Твоему, храмъ носяй тѣлесный весь оскверненъ*“, „*волною морскою скрывшаго древле гонителя мучителя подъ землею скрыша спасенныхъ отроцы*“, „*Тебе на водахъ повѣсившаго всю землю неодолимо, тварь видѣвши на лобнѣмъ виселица*“ и др. ²⁾). Какъ это объяснить? По нашимъ теперешнимъ вкусамъ такая суетная игра словъ представляется пожалуй даже неподходящей для высокаго стиля. Не такъ, очевидно, судили ученые того времени.

Хорошее знаніе языка уяснить богослову при экзегезѣ текста также нѣкоторые факты, на первый взглядъ непонятные. Такъ, мы замѣчаемъ, что Отцы церкви иногда цитируютъ Свящ. Писаніе неточно, измѣняя нѣкоторыя слова. Сперва подумаешь, что это—безсознательная ошибка, происшедшая отъ того, что мѣсто приведено по памяти. Но это трудно допустить. Такія измѣненія дѣлались, повидимому, нарочно. Дѣло въ томъ, что языкъ Свящ. Писанія народный, живой, на которомъ говорили простые греки того времени. Между тѣмъ въ ученомъ мірѣ приблизительно съ начала христіанской эпохи живой языкъ попалъ въ презрѣніе (какъ и до сихъ поръ еще у грековъ); ученые писали, или по крайней мѣрѣ старались писать, на языкѣ аттическомъ V или IV в. до Р. X., который въ то время былъ уже совер-

¹⁾ См. Boulenger о с., р. XI—XXXII

²⁾ Къ числу такихъ фигуръ рѣчи принадлежитъ между прочимъ и антитеза,—противопоставленіе противоположныхъ понятій, напр. „сего ради стяжалъ еси смиреніемъ высокая, нищетою богатая“. Объ этой фигурѣ блаж. Августианъ (De civ. Dei XI, 18) говоритъ такъ: *antitheta in ornamentis elocutionis sunt decentissima* „противоположенія суть наилучшія изящныя украшенія рѣчи“

пенно мертвымъ языкомъ. Это—приблизительно то же, какъ если бы мы теперь стали писать на языкѣ Остромирова Евангелія. Ученые Отцы церкви также слѣдовали этому обычаю. писать о высокихъ предметахъ языкомъ народнымъ казалоси имъ непристойнымъ; языкъ долженъ былъ соотвѣтствовать предмету, а такимъ высокимъ, прекраснымъ языкомъ считался древній, аттический. Такимъ образомъ, при всемъ уваженіи Отцовъ церкви къ Свящ. Писанію, они считали иногда нужнымъ замѣнять нѣкоторыя выраженія изъ него другими, болѣе литературными. Возьмемъ для примѣра бесѣду св. Василія Великаго „къ юношамъ“. Въ ней онъ цитируетъ мѣсто изъ Ев. Мѡ. 5. 39. которое у евангелиста читается такъ: *ὅστις σε φιλιζει εἰς τὴν δεξιάν σου ἵσθαι, στρέφει αὐτὸν καὶ τὴν ἄλλην*. Василій Вел. приводитъ это мѣсто въ такой формѣ: *(ἐκεῖνο) τῷ παραγγέλλει. ὅτι) τῷ τέλει κατὰ τῆς σαρόνος καὶ τὴν ἑτέραν παρέχειν προσέχει*. Такимъ образомъ, онъ ставитъ вмѣсто гл. *φιλιζειν* — гл. *τέλειται*, вмѣсто конструкціи *εἰς* съ вин. пад. — *κατὰ* съ род. пад., вмѣсто слова *ἄλλην*—слово *ἑτέραν*: все это потому, что указанная евангельскія выраженія—не аттическія, и Вас. Вел. ихъ какъ бы переводитъ на литературный языкъ. Вѣроятно, на томъ же основана разница въ выраженіяхъ въ повѣствованіи Ев. Луки сравнительно съ повѣствованіемъ другихъ синоптиковъ объ одномъ и томъ же событіи: по б. ч., какъ показываетъ анализъ ихъ языка, Ев. Лука беретъ выраженія болѣе литературныя, чѣмъ Матѳей и Маркъ. Это и не удивительно: вѣдь Ев. Лука былъ грекъ по происхожденію, да притомъ еще врачъ, и „обладалъ всею эллинскою образованностью“, по словамъ Симеона Метафраста, тогда какъ Матѳей и Маркъ были, вѣроятно, подобно Павлу, *ιδιώται τῷ λόγῳ* „простецы въ словѣ“, а потому Лука и былъ *inter omnes evangelistarum graeci sermonis eruditissimus* „между всеми евангелистами лучшимъ знатокомъ (литературнаго) греческаго языка“, какъ выражается о немъ Бл. Иеронимъ. Не подмѣтивъ этого стремленія Ев. Луки и Отцовъ церкви къ аттицизму, богословъ—экзегетъ, пожалуй, сталъ бы искать разницы въ значеніи между такими синонимами, которой на самомъ дѣлѣ нѣтъ¹⁾

¹⁾ По той же причинѣ Филонъ въ своихъ цитатахъ изъ перевода LXX дѣлаетъ измѣненія,—чтобъ исправить языкъ LXX на болѣе литературный (см. Прав. Бог. Энцикл. IX. 637).

Еще одно подобное этому явленіе наблюдаемъ мы у Отцовъ церкви: нерѣдко бываетъ, что одно и то же понятіе въ одномъ и томъ же мѣстѣ выражается нѣсколькими различными словами. Опять - таки экзегетъ не долженъ искать всегда разницы въ значеніи между этими синонимами, а долженъ помнить, что это дѣлается часто ради риторическихъ цѣлей,—или для разнообразія въ выраженіи, или для того, чтобы фраза вышла красивѣе. Такъ, напр., у Василія Вел. въ бесѣдѣ „къ юношамъ“ (въ самомъ концѣ) понятіе „врачи“ выражено въ одной фразѣ словомъ *οἱ ἰατροί*, а въ смежной съ ней фразѣ словомъ *οἱ θεράπευοιτες* ¹⁾.

Кромѣ экзегезы, въ задачу филолога входитъ т. наз. критика текста, т. е. установленіе текста въ его первоначальномъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ подъ пера самого автора. Такую же критику текста, конечно, долженъ производить и богословъ въ примѣненіи къ христіанской литературѣ. Дѣло это—трудное, но неизбѣжное. Мы, правда, привыкли читать тексты по печатнымъ изданіямъ; но вѣдь дошли они до насъ въ рукописяхъ—почти исключительно эпохи Среднихъ вѣковъ или начала Новыхъ. Въ рукописяхъ всегда бываютъ ошибки болѣе или менѣе важныя, что и естественно при послѣдовательной перепискѣ нѣсколькихъ столѣтій. Есть печатныя изданія, т. наз. критическія, въ которыхъ указано, какъ читается текстъ въ разныхъ рукописяхъ, какія въ нихъ есть „разночтенія“ или „варианты“. Представимъ себѣ такой случай, что, читая какой-нибудь текстъ, богословъ видитъ, что въ разныхъ рукописяхъ онъ переданъ различно. Конечно, если смыслъ отъ этого не страдаетъ, онъ можетъ къ этому отнестись равнодушно, хотя и этого не должно быть: ученый долженъ искать истину даже въ мелочахъ ²⁾; но могутъ быть и такія разночтенія,

1) *Οἱ δὲ γὰρ τε ἰατροὶ τῶν παθόντων ζήνοιαται, οὐτῶι παρὰ τοὺς ἰατροὺς ἔροιαται αἱ δὲ ἐπὶ πλείστον καταληφθέντες εὐφροσυνιστάων ἐφ' ἑαυτοὺς καλοῦνται τοὺς θεράπευοιτας*

2) Сошлюсь въ этомъ на самого св. Василія Вел.: въ твореніи своемъ „О Св. Духѣ“, гл. I, онъ разсуждаетъ о томъ, что изслѣдованія необходимы и относительно наименѣе важныхъ частей богословія. Тутъ онъ между прочимъ говоритъ слѣд: *τὸ γὰρ μὴ ταχέως ἐρεῖναι τῶν θεολογικῶν φωνῶν, ἀλλὰ περισθεῖναι τὰ ἐν ἐλάτῳ λέγειν καὶ ἐν ἐλάτῳ συλλαβῇ συγκριμένον*

при которыхъ мѣсто получаетъ различный смыслъ. Какъ быть въ такомъ случаѣ? По неволѣ приходится рѣшать на основаніи разныхъ соображеній, какому тексту отдать предпочтеніе или, можетъ быть, даже какъ исправить ошибочный, иногда не дающій смысла, текстъ всѣхъ рукописей путемъ догадки. Эти соображенія могутъ быть, конечно, взяты изъ разныхъ областей науки; но знаніе языка, на ряду съ знаніемъ палеографіи, почти всегда играетъ большую роль при критикѣ текста. И даже часто бываетъ мало знанія языка вообще; для критики, какъ впрочемъ часто и для экзегезы, надо знать еще и языкъ даннаго автора, его спеціальнѣйшій способъ выраженія, потому что, при всемъ сходствѣ языка у всѣхъ людей одного и того же народа, у каждаго человѣка есть и свои индивидуальныя особенности по языку: не даромъ французы говорятъ: *le style c'est l'homme*. Для этого составляются спеціальныя словари и грамматики къ отдѣльнымъ авторамъ; пишутся диссертациі объ особенностяхъ ихъ языка.

Одной изъ самыхъ трудныхъ филологическихъ работъ является изданіе сочиненій какого-либо автора. Собственно говоря, это есть та же критика текста, но въ большемъ масштабѣ,—примѣненная не къ отдѣльнымъ мѣстамъ, а къ цѣлому сочиненію автора или даже ко всѣмъ его сочиненіямъ. Дѣлается это такъ въ настоящее время. Ученый, желающій издать вновь, въ исправленномъ видѣ, сочиненія какого-либо автора, беретъ печатный текстъ ихъ и параллельно съ нимъ читаетъ этотъ текстъ по разнымъ рукописямъ, отмѣчая, какія въ каждой рукописи есть разночтенія сравнительно съ печатнымъ текстомъ. Но рукописей на домъ не даютъ, и потому заниматься этой работой надо въ библіотекѣ, гдѣ хранится та или другая рукопись. А такъ какъ рукописи разсѣяны по библіотекамъ всей Европы, то надо ѣздить изъ города въ городъ, гдѣ имѣются рукописи нужнаго автора. Приходится перечитать, такимъ

ἡ ἀρετὴ τῆς ψυχῆς „ибо не мимоходомъ выслушивать богословскія слова, но прилагать стараніе изслѣдовать смыслъ, скрытый въ каждомъ словѣ и въ каждомъ слогѣ,—есть дѣло не нерадивыхъ въ благочестіи, а напротивъ повимающихъ цѣль нашего призванія“. Нѣкоторыя главы этого сочиненія имѣютъ прямо филологическій характеръ, напр IV и V

образомъ, иногда массу рукописей ¹⁾. Но это—работа только черновая. Сличая между собою разночтенія рукописей, издатель замѣчаетъ, что однѣ изъ рукописей ближе между собою, другія дальше по представленному въ нихъ тексту. На основаніи такого сходства и различія, рукописи дѣлятся на классы съ дальнѣшими подраздѣленіями. Такъ составляется классификація рукописей, своего рода генеалогическое древо, показывающее ихъ большее или меньшее родство между собою; благодаря этому получается возможность отличить хорошую рукопись отъ дурной, т. е. знать, какая рукопись сохранила первоначальный текстъ въ болѣе чистомъ видѣ и въ какой онъ подвергся болѣе или меньшимъ искаженіямъ. Только уже послѣ этихъ предварительныхъ работъ приступаютъ къ установленію текста, думая надъ каждымъ словомъ, стараясь угадать при помощи приѣмовъ критики текста, что именно написалъ самъ авторъ въ каждомъ случаѣ.

У насъ идутъ нерѣдко разговоры объ исправленіи церковныхъ книгъ. Но вѣдь для того, чтобы исправить славянскій текстъ, надо сперва установить греческій въ возможно болѣе древнемъ и чистомъ видѣ, т. е., иными словами, сдѣлать новое, исправленное изданіе его, а затѣмъ уже переводить его и исправлять славянскій текстъ.

По критикѣ текста христіанскихъ сочиненій нами русскими такъ же, какъ и по экзегезѣ, не сдѣлано почти ничего; на западѣ кое-что сдѣлано, болѣе всего по установленію текста Новаго Завѣта; за послѣдніе годы впрочемъ стали появляться новыя критическія изданія Отцовъ церкви; но еще недавно всѣ довольствовались, а для большей части текстовъ патрологическихъ и теперь приходится довольствоваться устарѣвшимъ изданіемъ Migne'я. Объ агиологии и христіанской поэзіи и говорить нечего.

Словомъ сказать, и по экзегезѣ, и по критикѣ текста христіанской литературы для богослова работы масса; это —

¹⁾ Кстати сказать, работа эта требуетъ не только огромнаго труда, но еще и хорошаго зрѣнія, потому что письмо въ рукописяхъ, по небрежности ли переписчика, или уже отъ времени и разныхъ случайныхъ обстоятельствъ, бываетъ иногда трудно разбирать. Я знаю случай, что одинъ издатель Аристофана (Ad v Velsen) потерялъ зрѣніе за этой работой.

почти невоздѣланное поле. Чтобы представить себѣ, какъ велика эта работа, достаточно вспомнить, что надъ экзегезой и критикой текста свѣтскихъ произведеній классической литературы филологи трудятся, начиная съ эпохи Возрожденія, болѣе 400 лѣтъ, и далеко нельзя похвалиться, что наука сказала въ этой области свое послѣднее слово. А христіанскіе тексты представляютъ трудностей не меньше, чѣмъ языческіе.

Кромѣ простой критики текста, филологи занимаются „высшей критикой“, имѣющей цѣлью распознавать подложныя сочиненія, т. е. такія, которыя преданіемъ приписываются какому-либо автору, а на самомъ дѣлѣ, судя по разнымъ признакамъ, не могутъ принадлежать ему. Признаки эти берутся изъ разныхъ данныхъ, которыя только могутъ указать на принадлежность или непринадлежность сочиненія извѣстному автору. Довольно важныя указанія въ этомъ случаѣ можетъ дать и языкъ сочиненія, его сходство или несходство съ языкомъ несомнѣнныхъ сочиненій того же автора. Искусство высшей критики должно быть извѣстно и богослову, потому что и въ области христіанской литературы время отъ времени возникаютъ сомнѣнія относительно принадлежности какого-либо сочиненія тому автору, которому оно приписывается преданіемъ ¹⁾. Такой случай произошелъ нѣсколько лѣтъ назадъ у насъ въ Россіи. Нѣкто Н. Морозовъ издалъ книгу „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ“, въ которой доказывалъ между прочимъ, что Апокалипсисъ „несомнѣнно“ написанъ Іоанномъ Златоустомъ. Конечно, этотъ выводъ легко опровергнуть уже тѣмъ, что на Апокалипсисъ есть много ссылокъ у христіанскихъ авторовъ, начиная еще со II вѣка; но Морозовъ имъ не вѣритъ, а считаетъ ихъ позднѣйшими вставками средне-вѣковыхъ переписчиковъ. Поэтому, можетъ быть, не излиш-

1) Ср. сказанное въ предисловіи ко II тому Твореній Василія Вел въ изданіи Garnier: Fortasse nullum est hominum genus, qui magis nocuerint bonis studiis, quam eorum, qui vera sanctorum Patrum scripta cum falsis miscuere. Quot enim mala hinc et olim nata sint, et hodie nascantur, nemo, qui non omnino rerum ecclesiasticarum rudis sit, ignorat. Dogmata obscurantur, foedantur moralia, historia vacillat, Traditio perturbatur, et, ut verbo dicam, si semel apud sanctos Patres genuina cum adulterinis confundantur, omnia inter se confundi necesse est.

нимъ былъ бы еще доводъ, выставленный мною противъ него на основаніи данныхъ языка. Кто читалъ I. Златоуста въ подлинникѣ, тотъ знаетъ, какъ изящна его рѣчь и по всему складу, и по языку собственно, который мало чѣмъ отличается у него отъ древняго атическаго. Напротивъ, въ Апокалипсисѣ, какъ мы сами видимъ и какъ свидѣтельствуемъ Діонисій Александрійскій (у Евсевія, Церк. ист. VII, 25), языкъ не вполне греческій, но заключаетъ въ себѣ варварскія особенности и ошибки. А по мнѣнію такого знатока еврейскаго языка, какъ Генанъ, слогъ въ Апокалипсисѣ „какъ бы списанъ съ еврейскаго, продуманъ по-еврейски, можетъ быть понять и прочувствованъ только тѣмъ, кто знаетъ еврейскій языкъ“. Думать, что I. Златоустъ могъ написать Апокалипсисъ такимъ языкомъ,—такая же, если не еще большая нелѣпость, какъ напр. думать, что Державинъ сталъ бы писать оду „Богъ“ языкомъ „Власти тьмы“.

Книга Морозова, кромѣ того, содержитъ его собственный переводъ Апокалипсиса съ греческаго текста, перифразированный такъ, что изъ Апокалипсиса должна получиться какая-то поэма астрономическаго содержанія, описывающая грозу на о. Патмосѣ. Зная греческій языкъ, богослову ничего не стоитъ изобличить невѣжественнаго автора въ непониманіи переводимаго имъ текста. Но бываютъ подобные случаи еще болѣе важные, гдѣ знаніе древнихъ языковъ необходимо богослову. Нерѣдко отъ неясности нѣкоторыхъ мѣстъ Св. Писанія или просто отъ неправильнаго толкованія словъ Писанія происходятъ разнаго рода еретическія ученія. Представимъ себѣ, что кто-либо, основываясь будто бы на Св. Писаніи, будетъ хулить ученіе православной церкви и вмѣсто него давать свое, какъ это и случается въ наши дни. Чтобы защитить православное ученіе и изобличить еретика, иногда бываетъ достаточно лишь правильнаго толкованія подлиннаго греческаго текста Новаго Завѣта; но для этого надо знать греч. языкъ, да не кое-какъ, а знать его хорошо. Укажу, напр., на извѣстный переводъ Евангелія, сдѣланный гр. Л. Н. Толстымъ, произведшій сильное впечатлѣніе на большую публику,—переводъ, на которомъ главнымъ образомъ, повидимому, и основано его ученіе, противное православію. Гр. Толстой переводилъ Евангеліе также съ греч. языка, который онъ знаетъ очень плохо. Переводъ вышелъ,

конечно, совершенно невѣжественный. ¹⁾ Приведу для примѣра лишь одно мѣсто изъ него. Слова Ио. 3, 5 *ἐὰν μὴ τις γεννηθῆ ἔξ ὕδατος καὶ πνεύματος, οὐ δύναται εἰσελθεῖν εἰς τὴν βασιλείαν τοῦ Θεοῦ* Толстой переводить такъ: „кто не зачатъ отъ плоти и еще отъ духа, только тотъ не можетъ войти въ царство Бога“ (Ч. I, стр. 122 по изданію 1906 г. С.Пб.). Вы удивитесь, что слово ὕδωρ онъ переводить „плоть“: онъ говорить въ примѣчаніи къ этому мѣсту, что „ὕδωρ значить, кромѣ „вода“, жидкость человѣческаго тѣла, жидкая плоть“. Это, конечно, совершенный вздоръ, основанный лишь на фантазіи автора. Однако такой нелѣпый переводъ, очевидно, направлень противъ таинства Крещенія. Представьте себѣ положеніе богослова, плохо знающаго по-гречески, въ спорѣ съ подобными вѣроучителями, ссылающимися на греческій текстъ Евангелія! ²⁾

Знаніе языка можетъ нерѣдко оказать услугу и при рѣшеніи другихъ богословскихъ вопросовъ. Такъ, для рѣшенія вопроса о томъ, какой внѣшній видъ имѣла книга у евреевъ въ эпоху земной жизни Христа, важно мѣсто Лук. 4, 20 *πύξας τὸ βιβλίον*, гдѣ поставлень гл. *πύξω*, употребляющійся всегда въ смыслѣ „сгибать что-нибудь“ (такъ что получается переломъ матеріала), но никогда не попадающійся въ значеніи „свертывать что-либо кругообразно“; на то же указываютъ слова *δίπτυχος*, *τρίπτυχος* и т. п., произведенныя отъ того же корня и обозначающія складень, на которомъ писали, подобный нашей книгѣ, а не свитокъ. На основаніи этого надо заключить, что книга, упомянутая у евангелиста, имѣла видъ кодекса, нашей книги, а не свитка. Еще примѣръ. Соображенія, основанныя на языкѣ въ переводѣ LXX, подтверждаютъ извѣстіе о томъ, что этотъ переводъ сдѣланъ въ Египтѣ. Мы замѣчаемъ, что LXX не только переводили еврейскій текстъ Ветхаго Завѣта, но и египтизиро-

1) Отзывъ о немъ помѣщенъ мною въ журналѣ „Странникъ“, 1909 г. февр.

2) Въгъ еще примѣръ. Защитники написанія „Исусъ“ говорить, что будто бы это—слово греческое, сложное изъ *ἰσος* и *αἰς*, и значить „равноухій“. На это богословъ долженъ отвѣтить, что 1) такого слова по гречески нѣтъ (очевидно, потому, что въ такомъ понятіи не было надобности); 2) если бы оно и было, то, согласно законамъ греч. языка, оно должно бы было имѣть форму *ἰσότης*, а никакъ не *ἰσους*, по аналогіи съ прилагательными, сложными съ *αἰς*,—*δαίμων*, и *αἰώτων*.

вали его, т. е. нѣкоторыя слова подлинника замѣняли такими, которыя обозначаютъ предметы, свойственные исключительно Египту. Такъ, въ подлинникѣ Быт. 50, 2 и сл. люди, бальзамировавшіе тѣло Іакова, названы „врачами“. Но LXX вмѣсто этого ставятъ слово *ἐταφιασταί*,—чисто египетскій техническій терминъ, означавшій особое сословіе людей, имѣвшихъ спеціальностью бальзамированіе труповъ. Изображая нужду въ странѣ, прор. Іоиль 1, 20 говоритъ, что высохли „источники“; LXX обращаютъ эти источники въ „каналы“—*ἀφ' ἑβείας ὑδάτων*,—очевидно, приспособляясь къ пониманію египетскаго читателя, не знавшаго ручьевъ, а знавшаго каналы, наполняющіеся водой изъ Нила ¹⁾.

Конечно, сложные научные вопросы не всякому придется рѣшать. Но за то всякому богослову можетъ представиться надобность объяснить какой-нибудь церковный терминъ или непонятное на славянскомъ языкѣ мѣсто изъ Св. Писанія или изъ пѣснопѣній. Такихъ мѣсть, какъ я уже упоминалъ, множество; нѣкоторыя изъ нихъ мы какъ будто и понимаемъ, но на самомъ дѣлѣ толкуемъ превратно или понимаемъ только приблизительно; для правильнаго пониманія надо обращаться къ греческому подлиннику, потому что, какъ выражается проф. М. Д. Муретовъ о церковнославянскомъ языкѣ нашихъ богослужебныхъ пѣснопѣній, „этотъ языкъ мало понятенъ даже для высокообразованныхъ людей и совсѣмъ непонятенъ для образованныхъ, а тѣмъ болѣе для необразованныхъ“ (Отзывъ о переводѣ пѣсней Св. Романа проф. П. П. Цвѣтковымъ въ Богосл. Вѣстн. за 1903 г. № 1, стр. 4 отдѣльнаго оттиска). Приведу нѣсколько примѣровъ изъ самыхъ извѣстныхъ церковныхъ пѣснопѣній. Слушая пѣніе псалма 140: „да исправится молитва моя, яко кадило предъ Тобою“, мы понимаемъ слова „исправится“ и „кадило“ въ современномъ ихъ значеніи. У насъ получается въ общемъ представленіе, что мы просимъ о томъ, чтобы молитва наша стала пріятна Богу; но въ точности мы не понимаемъ этихъ словъ. А по-гречески они ясны: *κατερθύθη το ἢ προσευχή μου ὡς θυμίανα ἐνώπιόν σου* „да направится молитва моя къ Тебѣ, какъ еиміамъ“ (поднимающійся къ небу). Едва ли мы разумѣемъ также слова канона на Ро-

1) См Прав Бог Энцикл IX, 646

жество Христово; „любити убо намъ яко безбѣдное страхомъ удобѣе молчаніе“: слову „безбѣдное“ мы, конечно, придаемъ значеніе „небѣдный“, „богатый“, и получается несообразная мысль: „лучше любить молчаніе, потому что оно богато страхомъ“, т. е. „страшно“. Греческій текстъ намъ поможетъ и тутъ: *στέρηται μὲν ἡμῖς ὡς ἀκίδερον φόβου ὅσον βίωσιν ἡμῖν* „вслѣдствіе страха (разумѣется страхъ осквернить Божию Матерь хваленіемъ нечистыхъ устъ своихъ) легче намъ любить молчаніе, потому что оно безопасно“. Въ славянскомъ текстѣ, такимъ образомъ, слово „безбѣдный“ имѣетъ значеніе „не заключающій въ себѣ бѣды“, а „страхомъ“—невѣрный переводъ греческаго дательнаго пад., означающаго причину. Въ этомъ же ирмосѣ есть выраженіе: „пѣсни ткати спротяженно сложенныя“. Послѣднія слова обыкновенно понимаютъ въ смыслѣ „длинные“ и даже прилагаютъ въ шутку, нѣсколько кощунственнымъ образомъ, это выраженіе къ высокому ростомъ человѣку. На самомъ дѣлѣ это совершенно не соотвѣтствуетъ греческому тексту, гдѣ стоитъ *συντόνω: τεθειμένους* „сложенныя съ большимъ усиліемъ, старательно“. Въ стихирѣ „Се женихъ“ рѣчь идетъ о двухъ рабахъ, изъ которыхъ одного—хорошаго—хозяинъ находитъ въ полночь бодрствующимъ, а другого—недостойнаго ¹⁾—находитъ унывающимъ. Получается мысль странная: 1) человѣкъ унывающий вѣдь тоже бодрствуетъ, такъ что „унывающая“ не можетъ служить противоположеніемъ къ слову „бдяща“; 2) человѣкъ, находящійся въ печали, едва ли за это только заслуживаетъ названія недостойнаго. Греческій текстъ сейчасъ же разрѣшитъ это затрудненіе: тамъ стоитъ слово *ἡσθησύνητα*, что значитъ „быть нерадивымъ“, „предаваться покою“: такимъ образомъ, недостойный рабъ не унываетъ, а предается покою, т. е. спитъ, тогда какъ хорошій бодрствуетъ. Въ канонѣ на Богоявленіе Господне славянскій текстъ совсѣмъ непонятенъ: „елицы древнихъ изрѣшихомся сѣтей брашенъ львовъ, сотренихъ членовными“. Греческій текстъ совершенно ясенъ: *οἱ παλαιοὶ ἐκλελύμεθα βοῶντων βοῶν λεόντων σαρτεθλιωμένων* „мы, которые избавились отъ сѣтей прожорливыхъ львовъ (т. е. разставленныхъ намъ прожорливыми львами),

¹⁾ Вѣрнѣе сказать „ничего не стоящаго“, такъ какъ *ἀόριστος* здѣсь имѣетъ это значеніе

у которыхъ зубы сокрушены“; въ слав. переводѣ *βορῶν* принято за род. пад. существительнаго *βορά* „пища“, тогда какъ на самомъ дѣлѣ это—род. пад. прилагательнаго *βορός* „прожорливый“. Ирмосъ I пѣсни канона на Великій Четвертокъ начинается слѣд. словами: „сѣченое сѣчется море Черное“: мысль получается совершенно невѣрная, какъ будто Черное море было разсѣчено кѣмъ-нибудь раньше Моисея. Причина этого та, что слав. текстъ переведенъ съ неправильнаго греческаго: *τιηθεῖς τιῶται πόρτος ἐρηθρός* Надо читать *τιηθείση*, какъ и читается напр. въ *Anthologia graeca carminum christianorum*, изданной Крестомъ и Параникасомъ (стр. 190), и въ *Ἐορτολόγιον*, изданномъ іеромонахами Стефаномъ и Неофитомъ въ Венеціи въ 1836 г. (стр. 326). При этомъ чтеніи возстановляется и стихотворный размѣръ (ямбическій), и смыслъ получается хорошій: „сѣченнымъ (т. е. жезломъ Моисея, срѣзаннымъ съ дерева) сѣчется море Ч. Та же мысль выражена въ словахъ другой стихиры; „посѣченный несѣкомаго пресѣче“. Возьмемъ еще для примѣра какой-нибудь христіанскій терминъ, напр. „экзархъ“. Что онъ означаетъ? По поводу этого слова И. Н. Корсунскій рассказываетъ такой случай (Бог. Вѣстн. 1893 г., стр. 246). Однажды митрополитъ Филаретъ, бывшій не только великимъ іерархомъ, но и отличнымъ знатокомъ греческаго языка, „былъ въ нашей Академіи на экзаменѣ по церковной археологійи и, когда зашла рѣчь объ экзархѣ, причемъ отвѣчавшій на экзаменѣ студентъ сказалъ, что экзархъ значитъ „состоящій внѣ другихъ властей“, а прямо подчиненный патріарху, то митрополитъ спросилъ: нельзя ли такъ объяснить: шестивластникъ? Когда студентъ остановился отвѣтомъ, то митрополитъ замѣтилъ: а какое придыханіе стоитъ въ этомъ словѣ на *ἐξ*? и указалъ, что здѣсь стоитъ легкое, слѣдовательно, эта частица есть предлогъ, а не числительное, на которомъ стоитъ тяжелое придыханіе“. Однако въ данномъ случаѣ экзаменовавшійся студентъ невѣрно объяснилъ происхожденіе слова „экзархъ“: оно не значитъ „состоящій внѣ другихъ властей“, а, подобно глаголу *ἐξάρχω* „начинаю“, первоначально значило „начинающій“, затѣмъ вообще „первенствующій“, „начальникъ“, откуда наконецъ у византійцевъ „епископъ цѣлой области“. Надо полагать, что и митрополитъ Филаретъ не зналъ первоначальнаго значенія этого

слова: иначе онъ, вѣроятно, сдѣлалъ бы замѣчаніе на отвѣтъ студента. Приведенныхъ примѣровъ, я думаю, достаточно для поясненія моей мысли, что даже и въ обыденной жизни знаніе греческаго языка очень часто можетъ понадобиться богослову.

Въ настоящее время классическая филологія, главнымъ образомъ греческая ея часть, вступила, можно сказать, въ новую эпоху своего существованія. За послѣднія лѣтъ двадцать открыта масса новыхъ греческихъ текстовъ, обогатившихъ насъ свѣдѣніями по разнымъ областямъ филологіи. Эти открытія не могутъ пройти безслѣдно и для богословскихъ наукъ, которыя, какъ я старался показать, тѣсно связаны съ филологическими. И разумѣю находки папирусовъ въ Египтѣ. Такъ какъ, можетъ быть, не всѣ здѣсь присутствующіе знакомы съ этими открытіями, то я позволю себѣ вкратцѣ изложить исторію этого важнаго для науки обстоятельства.

Папирусомъ называется болотное растеніе изъ породы тростниковыхъ, со стволемъ вышиною около 3 аршинъ и толщиною въ человѣческую руку, водившееся прежде въ Египтѣ въ болотистыхъ устьяхъ Нила. Теперь его уже тамъ нѣтъ; оно исчезло оттуда. Древніе египтяне приготавливали изъ его ствола матеріалъ для письма, который мы называемъ тоже папирусомъ, но который греками назывался обыкновенно *χαρτης*, откуда и латинское слово *charta*, и наше „хартія“. Въ качествѣ матеріала для письма папирусъ употреблялся египтянами съ незапамятныхъ временъ: до насъ дошелъ египетскій папирусъ, писанный приблизительно за 3500 лѣтъ до Р. Х. Изъ Египта употребленіе папируса распространилось въ послѣдствіи по странамъ греческаго и римскаго міра. Приготавливавшіеся изъ папируса листы были небольшого размѣра, рѣдко больше поллиста нашей писчей бумаги, а часто значительно меньше; для полученія единицы большей величины листы склеивались въ одну длинную полосу, похожую на кусокъ нашихъ обоевъ (только меньшей вышины); эта полоса такъ же, какъ наши обои, скатывалась, такъ что получался „свитокъ“. На свиткѣ писали по б. ч. съ одной только стороны, которая закатывалась внутрь, писали узкими столбцами, при чемъ строки шли параллельно длинной сторонѣ свитка. При чтеніи сви-

токъ держали обѣими руками, постепенно развертывая его правой рукой и свертывая лѣвой прочитанную часть, такъ что предъ глазами читающаго всегда находилась въ развернутомъ видѣ лишь небольшая часть свитка съ нѣсколькими столбцами письма.

Втеченіе нѣсколькихъ столѣтій папирусъ былъ единственнымъ матеріаломъ для книгъ; въ послѣдствіи явился ему соперникъ, постепенно вытѣснившій его,—пергаментъ. Пергаментъ представляетъ собою особымъ образомъ выдѣланную кожу, годную для письма съ обѣихъ сторонъ. Кожа вообще употреблялась какъ матеріалъ для письма въ древнемъ мірѣ тоже съ незапамятныхъ временъ, напр. въ Азіи у восточныхъ народовъ, а, можетъ быть, даже и въ Европѣ у грековъ и римлянъ. Пергаментъ, по преданію, былъ „изобрѣтенъ“ въ Пергамѣ, городѣ Малой Азіи. Повидимому, это надо понимать въ томъ смыслѣ, что въ Пергамѣ была усовершенствована техника выработки кожи какъ писчаго матеріала. Произошло это изобрѣтеніе будто бы во II вѣкѣ до Р. X. при царѣ пергамскомъ Евменѣ II, который хотѣлъ завести у себя большую бібліотеку на подобіе Александрійской, но не могъ этого сдѣлать, такъ какъ царь египетскій Птолемей запретилъ вывозъ изъ Египта папируса, чтобы лишить Евмена писчаго матеріала; въ виду этого въ Пергамѣ и былъ изобрѣтенъ новый писчій матеріалъ. На сколько вѣрно это извѣстіе, мы не знаемъ, какъ и вообще мало знаемъ о первоначальномъ употребленіи пергамента; знаемъ только, что въ Римѣ онъ сперва употреблялся лишь для черноваго письма или для книгъ болѣе дешевыхъ сравнительно съ папирусовыми. А между тѣмъ преимущества пергамента предъ папирусомъ бросаются въ глаза: пергаментъ гораздо прочнѣе папируса: это видно хотя бы изъ того, что папирусный свитокъ, прожившій 200—300 лѣтъ, считался ужь очень старымъ и приходилъ въ ветхость отъ употребленія, а изъ числа пергаментныхъ книгъ, дошедшихъ до насъ, нѣкоторыя написаны 1500 лѣтъ назадъ и совершенно крѣпки. Затѣмъ, пергаментъ практичнѣе папируса еще тѣмъ, что изъ пергамента дѣлались не свитки, а кодексы,—книги такого же вида, какъ наши, листы которыхъ исписывались съ обѣихъ сторонъ. Не мудрено поэтому, что въ концѣ концовъ пергаментъ одержалъ верхъ въ борьбѣ съ папирусомъ какъ ма-

теріалъ для книгъ. Эта побѣда произошла въ IV вѣкѣ по Р. Х. и находится, повидимому, въ причинной связи съ торжествомъ христіанства, такъ какъ у христіанъ, судя по нѣкоторымъ даннымъ, священныя книги съ самаго начала по преимуществу писались на пергаментѣ въ формѣ кодекса. Это и естественно: первые христіане были б. ч. люди бѣдные, а пергаментъ, какъ мы видѣли, въ то время цѣнился ниже папируса и употреблялся для дешевыхъ книгъ. Какъ бы то ни было, съ IV вѣка папирусовый свитокъ постепенно вытѣсняется пергаментнымъ кодексомъ, и притомъ такъ, что нѣкоторое время, въ IV вѣкѣ оба эти вида книги существуютъ одновременно на равныхъ правахъ: такъ, св. Василій Вел. выпускалъ свои сочиненія обыкновенно на папирусовыхъ свиткахъ и только по просьбѣ Амфилохія послалъ ему свое сочиненіе „О Св. Духѣ“ на пергаментномъ кодексѣ ¹⁾.

Итакъ, папирусъ былъ непрочень, да и вышелъ постепенно изъ употребленія какъ матеріалъ для книгъ. Нѣтъ ничего поэтому удивительнаго въ томъ, что ни одного папирусоваго свитка не дошло до насъ естественнымъ путемъ, тогда какъ пергаментныхъ книгъ дошло множество. Такъ, до конца XVIII вѣка о папирусовыхъ свиткахъ почти не имѣли понятія; знаменитый палеографъ Монфокопъ въ началѣ XVIII вѣка зналъ только два жалкихъ отрывка на папирусѣ. Въ 1778 году одинъ торговецъ привезъ изъ Египта купленный имъ тамъ свитокъ папируса съ греч. текстомъ. По его разсказу, арабы нашли гдѣ-то около древняго Мемфиса 50 такихъ свитковъ и предлагали ему купить. Онъ, не зная, что это за товаръ, купилъ для курьеза только одинъ, и тогда арабы сожгли остальные, наслаждаясь благоухающимъ дымомъ отъ нихъ ²⁾. Это дало европейцамъ указаніе, что изъ Египта можно добыть еще такія рукописи. Дѣйстви.

¹⁾ Въ письмѣ къ нему Св. Василій говоритъ такъ (Vol. III, pars II, pag. 513, письмо 231 по изданію Garnier): *ἐποτείλι δὲ ἐν χάριτι γρηγοριανῶν ἐξώλεσάν με οἱ μετ' ἐμοῦ ἀδελφοί, ἀπό τε καὶ τῆς ἐργασίας σου ἐπιτολή. ἵχην ἐν ποικίλῳ γράμματι* „послать тебѣ (сочиненіе о Св. Духѣ) написаннымъ на папирусѣ не дали мнѣ бывшіе со мною братья, которые сказали, что имѣютъ порученіе отъ твоего благородія написать на пергаментѣ“.

²⁾ На самомъ дѣлѣ это невѣрно: дымъ отъ горящаго папируса, говорятъ, ничѣмъ не лучше дыма отъ горящей бумаги

тельно, съ тѣхъ поръ начались открытія папирусовъ въ Египтѣ,—сперва въ незначительномъ количествѣ, а потомъ, съ конца XIX столѣтія они приняли грандіозные размѣры Папирусы ¹⁾ добываются главнымъ образомъ изъ кучъ мусора, которыми окружены остатки древнихъ городовъ въ Египтѣ. Папирусовый хламъ,—ненужные документы, письма, рваныя книги,—все это вывозилось за городъ, сваливалось въ кучи, засыпалось пескомъ пустыни и пролежало такъ въ сохранномъ видѣ до нашего времени. Это возможно, конечно, лишь благодаря сухому климату Египта, гдѣ дожди чрезвычайно рѣдки, такъ какъ сырость—главный врагъ папируса. Тамъ, гдѣ вода разливагося Нила доходить до этихъ мусорныхъ кучъ, тамъ погибли болѣе древніе папирусы, находившіеся въ нижнихъ слояхъ; а болѣе новые, бывшіе въ верхнихъ слояхъ кучи, до которыхъ вода не поднималась,—тѣ уцѣлѣли. Вотъ причина, почему до насъ въ этихъ кучахъ дошли главнымъ образомъ папирусы болѣе поздней эпохи, приблизительно начиная со времени Р. X.

Кромѣ того, папирусы добываются еще изъ картоновъ, которыми обернуты муміи. Эти картоны склеивались изъ ненужнаго папируса, листовъ по 10 въ толщину. Теперь ихъ расклеиваютъ и этимъ путемъ добываютъ остатки древнихъ рукописей.

Наконецъ, есть третій источникъ, изъ котораго получаютъ папирусовыя рукописи: въ Египтѣ иногда клали съ покойникомъ въ могилу папирусовый свитокъ (м. б., любимую книгу покойнаго); такимъ путемъ найденъ напр. въ 1903 г. самый древній греч. папирусъ, какой мы имѣемъ,—IV вѣка до Р. X., содержащій часть стихотворенія „Персы“ Тимофея.

Большая часть египетскихъ находокъ состоитъ изъ текстовъ нелитературныхъ: это—разные документы—прошенія, росписки, контракты, письма и т. д.; но есть много и литературныхъ текстовъ, хотя, къ сожалѣнію, это все не цѣлыя книги, а лишь части книгъ, какъ это и естественно ожидать въ кучахъ мусора. Все таки этимъ способомъ мы познакомимъ

1) Надо замѣтить, что вмѣстѣ съ папирусами попадаются въ Египтѣ и пергаментные листы; словомъ „папирусы“ я здѣсь для краткости обозначаю вообще тексты, найденные въ Египтѣ, независимо отъ матеріала на которомъ они писаны

лись уже съ нѣсколькими греческими сочиненіями, не дошедшими до насъ естественнымъ путемъ. Найденные папирусы, хранящіеся теперь по разнымъ библіотекамъ Европы, насчитываются теперь десятками тысячъ; а сколько новаго матеріала могутъ еще дать будущія находки, и предвидѣть нельзя. Значеніе ихъ для науки о древности громадно: мы узнаемъ бытъ египетскихъ грековъ изъ этихъ ничтожныхъ, повидимому, документовъ лучше, чѣмъ изъ литературныхъ памятниковъ. Для филологіи они имѣютъ очень большую цѣнность еще и какъ памятники языка, именно языка народнаго. Надо замѣтить, что народный греческій языкъ эпохи т. наз. *κοινή* „общаго языка“ (приблизительно съ III вѣка до Р. Х.) намъ былъ почти совершенно неизвѣстенъ, потому что авторы, какъ я уже говорилъ, презирали этотъ языкъ и старались писать на древнемъ аттическомъ діалектѣ.

Для богословія египетскіе папирусы чрезвычайно важны въ нѣсколькихъ отношеніяхъ.

Такъ, мы получили нѣсколько новыхъ произведеній древней христіанской литературы, доселѣ неизвѣстныхъ изъ другихъ источниковъ,—правда, тоже неполныхъ, а лишь въ отрывкахъ; наиболѣе важенъ отрывокъ изъ *Λόγια Ἰησοῦ* „Изреченія Христа“. Имѣютъ значеніе также отрывки и изъ произведеній, извѣстныхъ намъ изъ другихъ источниковъ, такъ какъ могутъ дать какой-нибудь новый вариантъ текста.

Но всего пожалуй важнѣе для богословія косвенное вліяніе найденныхъ текстовъ,—не христіанскихъ только, но и другихъ, особенно нелитературнаго содержанія,—на экзегезу Св. Писанія. Нѣмецкій ученый богословъ Ад. Дейсманъ уже воспользовался для этой цѣли папирусами въ широкихъ размѣрахъ. Исходя изъ той мысли, что языкъ Св. Писанія въ общемъ представляетъ собою языкъ народный, не литературный,—языкъ, для котораго другихъ письменныхъ памятниковъ мы почти не имѣемъ,—онъ сталъ искать въ языкѣ нелитературныхъ папирусовъ разъясненія нѣкоторыхъ темныхъ словъ и оборотовъ, попадающихся въ книгахъ Св. Писанія. Плодомъ его изслѣдованій явились двѣ книги: *Bibelstudien* 1895 г. и *Neue Bibelstudien* 1897 г., не считая многочисленныхъ мелкихъ статей. Папирусы дали много матеріала для разъясненія языка Св. Писанія какъ со стороны лексической, такъ и съ грамматической и измѣнили вообще

возрѣніе на языкъ Св. Писанія. Прежде языкъ его считали сильно гебраизированнымъ, объясняя всѣ обороты, неизвѣстные намъ изъ греческихъ литературныхъ произведеній, вліяніемъ еврейскаго языка. Дейсманъ на примѣрахъ показалъ, что многія явленія языка, прежде считавшіяся за гебраизмы, на самомъ дѣлѣ явленія чисто греческія, но свойственныя языку не литературному, а народному. Такъ, въ Мрк. 6, 7 *καὶ ἤρξατο αὐτοῦς ἀποπέλλειν δύο δύο* „началь ихъ посылать по двое“—оборотъ *δύο δύο*, который Блассъ еще въ I изданіи своей грамматики новозавѣтнаго языка (1896 г.) считалъ гебраизмомъ, теперь долженъ быть признанъ явленіемъ греческаго языка, потому что онъ встрѣчается въ одномъ папирусь III вѣка по Р. X. *εἶνα (= ἴνα) δίῳι τρία τρία* и къ тому же употребляется и въ теперешнемъ новогреческомъ языкѣ. Также и для рѣшенія другихъ вопросовъ, не чисто экзегетическихъ, языкъ папирусовъ можетъ принести большую пользу: такъ, египетскіе термины *ἐρτογιαστῆς* и *ἄφροισ τοῦ ὕδατος*, упомянутые мною выше при разсмотрѣніи вопроса о египетскомъ происхожденіи перевода LXX, стали намъ извѣстны именно изъ папирусовъ. Или напр., если мы поинтересуемся узнать, какой вышній видъ имѣла древнехристіанская книга, то составить представленіе объ этомъ даютъ намъ возможность египетскія находки.

За Дейсманомъ послѣдовали и другіе, напр. Блассъ, который во II изданіи своей грамматики новозавѣтнаго языка (1902 г.) помѣщаетъ и указанія на параллельныя явленія языка папирусовъ.

Итакъ, обильный матеріалъ, открывающій новые горизонты для филологіи, заслуживаетъ полнаго вниманія и со стороны богослова и обязательно долженъ быть имъ использованъ при научныхъ изслѣдованіяхъ, касающихся Св. Писанія и вообще древней христіанской литературы. Работа эта—громадная, тѣмъ болѣе, что число папирусовъ съ теченіемъ времени, вѣроятно, будетъ все увеличиваться путемъ новыхъ находокъ.

Говоря о необходимости для богослова изученія древнихъ языковъ, я до сихъ поръ ничего не сказалъ о переводахъ Св. Писанія и древней христіанской литературы вообще на русскій языкъ. Мнѣ, конечно, возражать: вмѣсто того, чтобы каждому изучать древніе языки, не проще ли будетъ слѣ-

латъ такъ, чтобъ знатоки ихъ перевели все необходимое на русскій яз., а остальные довольствовались бы въ своихъ изслѣдованіяхъ переводами? На этотъ вопросъ я отвѣтилъ бы отрицательно. Прежде всего, переводъ, какъ бы ни былъ онъ хорошъ, не можетъ быть безошибочнымъ, какъ и всякое дѣло человѣческое. Языческіе писатели греческіе и латинскіе переведены на западъ по нѣскольку разъ; каждый новый переводчикъ старается исправить ошибки своего предшественника. И что же? Мнѣ не разъ приходилось наблюдать, что иное мѣсто оказывалось въ старомъ переводѣ понятнымъ вѣрнѣе, чѣмъ въ новомъ. Отчего это? Оттого, что новый переводчикъ просто не замѣтилъ въ подлинникѣ какого-нибудь напр. отбѣнка въ значеніи слова, который былъ замѣченъ его предшественникомъ. Въ Богословскомъ Вѣстникѣ за 1893 годъ есть очень поучительная статья П. Н. Корсунскаго „Къ исторіи изученія греческаго языка и его словесности въ Моск. Дух. Академіи“. Изъ нея видно, какъ много труда было положено на переводы Отцовъ церкви, но видно также, какъ много нужно было и исправлять эти переводы. Особенно потрудился въ этомъ дѣлѣ протоіерей Петръ Спиридоновичъ Делицынъ, который пользовался, правда, прежними переводами, но „всѣ эти переводы, въ видахъ улучшенія ихъ, онъ сличалъ, провѣрялъ и исправлялъ по греческимъ подлинникамъ, иначе сказать почти заново переводилъ“ (стр. 473), и притомъ „нерѣдко, въ переводѣ и редакціи переводовъ, не ограничивался одними печатными изданіями греческихъ подлинниковъ, а обращался и къ греческимъ рукописямъ Моск. Синодальной бібліотеки, для удостовѣренія въ правильности чтенія и для исправленія ошибокъ печатныхъ изданій“ (стр. 472). Но несмотря на эту тщательность работы о. Делицына, посвящавшаго ей отъ 10 до 11 часовъ въ сутки (стр. 471), митрополитъ Филаретъ, просматривавшій самъ потомъ эти переводы, все еще находилъ возможнымъ (даже, повидимому, не сличая ихъ съ греческимъ текстомъ) указывать не малое количество какъ ошибокъ въ переводѣ собственно, такъ и неловкихъ оборотовъ русскаго языка. Такъ, прочитавъ переводъ бесѣды св. Василія Вел., митрополитъ Филаретъ сдѣлалъ такіа напр. замѣчанія: „Опять ты человѣкъ низкаго рода. Что значить опять? Сдѣлался было человѣкомъ высокаго рода, а

потомъ опять низкаго? Василій Вел. не писалъ сей нелѣпости.— „*Накопили полный карманъ*. Копятъ не въ карманъ, а въ сундуки или въ мѣшокъ“.— „*Малодушные и невѣжественные возгласы*. *Возгласъ* слово славенское, и за двадцать лѣтъ передъ симъ оно не встрѣчалось нигдѣ, какъ только въ служебникѣ, гдѣ оно означаетъ славословіе, громко пропозносимое священникомъ послѣ тайной молитвы. Недавно возникъ вкусъ смѣшивать чистое съ грязнымъ и небесное съ адскимъ, и тогда священное слово кощунственно приложили къ нелѣпымъ восклицаніямъ и провозглашеніямъ. И отецъ Петръ, будучи священникомъ, этому подражаетъ“ (Прилож., стр. 30). Еще въ одномъ мѣстѣ митрополитъ Филаретъ пишетъ: „Переводъ не просмотрѣвъ... *Водобоязнь* названа *водяною болѣзнію*. И неужто не знаетъ переводчикъ, что болные водянкою не боятся глядѣть на воду“ (стр. 253). Такихъ ошибокъ и неточностей нельзя избѣжать, и онѣ найдутся, конечно, и теперь въ печатныхъ переводахъ Моск. Духовной Академіи, несмотря на тщательный просмотръ о. Делицына и митрополита Филарета.

Это объясняется тѣмъ, что понять вполнѣ рѣчь на чужомъ языкѣ со всѣми ея оттѣнками очень трудно. Какъ ни странно съ перваго взгляда, но мы и въ своемъ родномъ языкѣ многого не понимаемъ въ точности, а понимаемъ лишь приблизительно, общій смыслъ всей фразы, но этимъ довольствуемся и не ищемъ точнаго смысла. Когда же мы хотимъ вникнуть въ точный смыслъ, сейчасъ же являются сомнѣнія. Не даромъ даже такой искусный ораторъ, какъ Цицеронъ, находить, что въ мірѣ нѣтъ такого богатаго языка, въ которомъ каждое понятіе обозначалось бы особымъ словомъ со строго опредѣленнымъ значеніемъ, не допускающимъ двусмысленнаго толкованія ¹⁾. Интересно мнѣніе извѣстнаго англійскаго философа Локка относительно этого. Онъ полагаетъ, что „иногда, даже между людьми, говорящими на одномъ и томъ же языкѣ, слова не возбуждаютъ въ слушатель тѣхъ же самыхъ идей, знаками кото-

¹⁾ Oratio pro A. Caecina, § 51: an hoc dubium est, quin neque verborum tanta copia sit non modo in nostra lingua, quae dicitur esse inops, sed ne in alia quidem ulla, res ut omnes suis certis ac propriis vocabulis nominantur?

рыхъ были эти слова въ умѣ говорящаго“¹⁾. Особенно часто встрѣчаются не совсѣмъ понятныя мѣста въ поэзи съ ея болѣе туманнымъ, неопредѣленнымъ языкомъ. Такъ напр., что значить „мечъ воинственный“ въ „Орлеанской дѣвѣ“ Жуковского? Мы чувствуемъ, что этотъ эпитетъ означаетъ что-то касающееся войны, но что именно,—въ этомъ едва ли отдаемъ себѣ отчетъ: можетъ быть, это—„воинскій“, „принадлежащій воину“, а можетъ быть, это—въ буквальномъ смыслѣ „воинственный“, т. е. „храбрый“, при чемъ мечъ олицетворяется такъ же, какъ въ стихѣ Хомякова „жадный крови мечъ врага“. Когда-нибудь черезъ нѣсколько тысячъ лѣтъ для филологовъ, можетъ быть, это слово будетъ такой же слух interpretum, какіе мы, теперешніе филологи, нерѣдко встрѣчаемъ въ сочиненіяхъ греческихъ и римскихъ авторовъ²⁾. Но даже и простой языкъ прозаической рѣчи на самомъ дѣлѣ представляетъ много такихъ слuces. Какъ часто, напр., возникаютъ споры относительно пониманія закона въ томъ или иномъ смыслѣ: это потому, что текстъ его допускаетъ различное толкованіе. Особенно же замѣтны бываютъ неясности рѣчи при переводѣ какой-нибудь русской статьи на греческій или латинскій языкъ, когда надо самымъ точнымъ образомъ отдать себѣ отчетъ въ значеніи каждаго русскаго слова и опредѣлить связь мыслей между собою. Мнѣ не разъ приходилось для упражненія въ стилѣ переводить учебникъ древней исторіи Иловайскаго на латинскій языкъ. Кажется, вещь простая! Но сколько тутъ представляется трудностей въ пониманіи русскаго текста, особенно относительно связи мыслей: иногда совсѣмъ нельзя понять, въ какомъ отношеніи находится фраза къ предшествующей; кажется, какъ будто мысли набросаны безъ всякой связи одна съ другой.

Если такъ трудно уразумѣть въ точности смыслъ текста на своемъ родномъ языкѣ, то что же удивительнаго въ томъ,

¹⁾ Заимствую эту цитату изъ статьи С. П. Знаменскаго „Изъ жизни словъ“, помѣщенной въ Богосл. Вѣстн. 1909 г. № 4 (стр. 3 отдѣльнаго оттиска)

²⁾ Еще примѣръ: въ одной христоматіи къ слову „колыбель“ въ стихахъ Лермонтова „Тихо смотреть мѣсяцъ ясный въ колыбель твою“ было слѣдано примѣчаніе: „въ Азію,“ т. е. рекомендовалось понимать слово „колыбель“ иносказательно, въ значеніи родины младенца, Азіи.

что многое остается неяснымъ для точнаго пониманія на чужомъ языкѣ, отдѣленномъ отъ насъ многими вѣками, на языкѣ народа съ другими понятіями, да къ тому же въ текстѣ, иногда искаженномъ при послѣдовательной перепискѣ? Время отъ времени находится кто-нибудь, кто разгадываетъ одну изъ такихъ загадокъ. Вотъ почему нѣтъ ни одного перевода безусловно вѣрнаго; бываетъ, что казалось вѣрнымъ сегодня, то оказывается невѣрнымъ завтра при болѣе тщательномъ изученіи. Какъ же можетъ филологъ или богословъ строить зданіе своего научнаго изслѣдованія на такомъ непрочномъ фундаментѣ? Да можетъ быть, работа даже не надъ экзегезой текста, а надъ другой какой-нибудь темой, но только по оригиналу, онъ именно и напалъ бы на вѣрное пониманіе нужнаго ему текста, что и бываетъ на практикѣ.

Трудность перевода увеличивается еще отъ того, что объемъ значенія словъ, повидимому однозначашихъ, въ разныхъ языкахъ едва ли когда бываетъ вполне одинаковъ ¹⁾: обыкновенно въ одномъ языкѣ слово имѣетъ, кромѣ главнаго, еще какое-нибудь значеніе или оттѣнокъ, котораго оно не имѣетъ въ другомъ языкѣ. Вообще, значенія соответствующихъ словъ въ разныхъ языкахъ можно изобразить графически въ видѣ двухъ круговъ, наложенныхъ одинъ на другой такъ, что большая часть ихъ поверхности совпадаетъ, но нѣкоторая часть каждаго всетаки выходитъ за предѣлы другого. Возьмемъ для примѣра самыя простыя слова *ἄνθρωπος* и „человѣкъ“. Какъ ни тождественны эти слова по значенію, но всетаки у насъ въ разговорномъ языкѣ звательный падежъ „человѣкъ“ употребляется лишь при обращеніи къ слугѣ, между тѣмъ какъ греческое *ἄνθρωπε* этого оттѣнка не имѣетъ. Въ отвлеченныхъ понятіяхъ это несопадентіе объема значенія словъ въ разныхъ языкахъ еще замѣтнѣе ²⁾: такое, напр., широкое слово, какъ *ἀρετή*, при-

¹⁾ Локкъ также обращаетъ вниманіе на то, что „слова, предполагающія соответствующими другъ другу на разныхъ языкахъ, замѣщаютъ далеко не одинаковыя идеи“ (С. П. Знаменскій, тамъ же, стр. 5)

²⁾ По мнѣнію Локка, это происходитъ отъ того, что подобныя слова представляютъ собою очень сложныя идеи. „Имена очень сложныхъ идей, говоритъ онъ, „а таковы, большею частью, слова нравственныя (moral words), рѣдко имѣютъ вполне тождественное значеніе у двухъ различныхъ лицъ“ (С. П. Знаменскій, тамъ же, стр. 6)

ходится переводить очень различно, смотря по связи рѣчи: иначе говоря, переводчику надо догадываться, какой смысл или оттѣнокъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ имѣеть такое широкое слово. Понятно, что ошибка при этомъ всегда возможна и легка.

Отъ этого во всякомъ текстѣ найдутся мѣста двусмысленныя, допускающія возможность понимать ихъ различно. Въ переводѣ, конечно, всегда передается мѣсто въ одномъ какомъ-нибудь смыслѣ, а можетъ быть, работая по оригиналу, ученый пришелъ бы къ убѣжденію, что вѣрнѣе будетъ другой изъ возможныхъ смысловъ даннаго мѣста. По этой причинѣ очень часто бываетъ, что одному и тому же мѣсту въ разныхъ переводахъ дается разный смыслъ. По неволѣ приходится критически отнестись къ этому вопросу и такъ или иначе собственными силами рѣшить его.

Наконецъ, у перевода есть еще одинъ недостатокъ: онъ сравнительно скоро старѣеть. Старѣеть и языкъ его съ теченіемъ времени: напр., русскіе переводы, сдѣланные лѣтъ 100 назадъ или даже меньше, едва ли уже пригодны для употребленія по своему языку. Старѣеть и научность перевода: въ то время, какъ экзегеза автора подвигается постепенно впередъ благодаря болѣе тщательному его изученію, старый переводъ является выразителемъ взглядовъ прежнихъ толкователей автора.

До сихъ поръ я имѣлъ въ виду только правильность перевода въ передачѣ мыслей оригинала. Но вѣдь кромѣ содержанія въ произведеніи есть еще форма. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ форма почти не имѣеть значенія, напр. въ разнаго рода документахъ, въ научныхъ сочиненіяхъ, въ родѣ напр. геометріи Евклида или ботаники Діоскорида, гдѣ важно главнымъ образомъ лишь содержаніе. Но огромное большинство дошедшихъ до насъ сочиненій древнихъ авторовъ, въ томъ числѣ и христіанскихъ, относятся къ числу произведеній художественныхъ, въ которыхъ и форма играетъ не маловажную роли. Греки и римляне вообще были чрезвычайно чутки къ формѣ словеснаго выраженія: сочиненіе, какъ бы оно ни было хорошо по содержанію, не имѣло въ ихъ глазахъ никакой цѣны, если не было вмѣстѣ съ тѣмъ облечено и въ изящную форму. Мнѣніе св Григорія Богослова относительно этого я уже приводилъ. Переводъ такихъ

художественныхъ произведеній, въ которыхъ иногда обдуманно каждое слово, каждый оборотъ съ эстетической точки зрѣнія, ужь никакъ не замѣнить подлинника. Въ самомъ дѣлѣ, какой переводъ можно назвать идеальнымъ? Такой, который производитъ на своего читателя то же самое впечатлѣніе, какое производилъ подлинникъ на своего. А такъ какъ впечатлѣніе производится не только содержаніемъ, но и формой, то ясно, что переводъ художественнаго произведенія долженъ передавать и форму его въ художественномъ видѣ. Но, конечно, это можетъ сдѣлать лишь человекъ, равный автору по таланту; да и то онъ можетъ дать гениальное *переложеніе* оригинала, а всетаки не переводъ: духъ языка древняго и современнаго на столько различенъ, что художественный переводъ, близкій къ подлиннику, невозможенъ; возможно лишь художественное переложеніе его. А отъ обыкновеннаго переводчика нельзя даже и требовать, чтобъ онъ равнялся гениальностью съ авторомъ подлинника. Поэтому въ нашихъ переводахъ по большей части нельзя искать даже искры художественности. Обыкновенно они бываютъ тяжелы, неуклюжи или, по выраженію Н. Фоккова ¹⁾, представляютъ нѣчто „очень бѣдное сколько-нибудь замѣтными отраженіями извѣтствованныхъ совершенствъ подлинника“. Какое же представленіе могутъ они дать о произведеніяхъ такихъ свѣтилъ слова, какъ напр. Василій Вел., Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ? Не даромъ и митрополитъ Филаретъ „отдавалъ греческому подлиннику всегда первенствующее значеніе“ (Богосл. Вѣстн. 1893 г., стр. 246). Въ одномъ изъ своихъ замѣчаній онъ напр. говоритъ: „Не думаю, чтобы годилось заставить св. Григорія говорить: *волоній и овчій пастухъ; блистательный Богъ* и пр.“; очевидно, такія выраженія, хотя вѣрно передающія смыслъ текста, казались ему не соответствующими красотѣ оригинала, не удовлетворительными въ эстетическомъ отношеніи.

Еще труднѣе, пожалуй, чѣмъ художественную прозу, переводить поэзію, потому что въ ней,—не говоря уже о стихотворномъ размѣрѣ, который въ прозаическомъ переводѣ исчезаетъ,—и въ языкѣ еще больше словъ, оборотовъ, метафоръ поэтическихъ, чуждыхъ обыкновенному языку. Чтобы

1) Къ синтаксису новозавѣтнаго языка, стр. IX

имѣть приблизительное представленіе о томъ, во что обращается въ нашемъ переводѣ древнее поэтическое произведеніе, попробуемъ какіе-нибудь русскіе стихи переложить въ прозу. Напр., стихи Пушкина „буря мглою небо кроетъ, вихри снѣжные крутя“—красивы, но въ переложеніи „буря покрываетъ небо темнотою, вертя снѣжные вѣтры“ эти же самые стихи не только не красивы, но, пожалуй, даже и не совсѣмъ понятны: что такое „буря вертитъ вѣтры“? ¹⁾

Отношеніе перевода къ подлиннику можно сравнить съ отношеніемъ копіи картины къ ея оригиналу. Можетъ ли какая-нибудь жалкая олеографія замѣнить собою подлинное произведеніе Рафаэля? А вѣдь содержаніе копіи и оригинала одно и то же. А наши переводы, я увѣренъ, иногда бываютъ хуже всякой олеографіи.

Я не отрицаю важности переводовъ; я только отрицаю возможность замѣнить ими подлинники въ научномъ и художественномъ отношеніи. Переводъ имѣетъ значеніе какъ пособіе для уразумѣнія подлинника, т. е. приблизительно такое же, какъ комментарий къ нему. Для этой цѣли переводомъ никакъ не слѣдуетъ пренебрегать: я лично, читая древнихъ авторовъ, и самъ пользуюсь переводами, наравнѣ со всѣми другими пособіями, и не запрещаю этого своимъ ученикамъ. Какъ знать: быть можетъ, переводчикъ нашелъ въ какомъ нибудь мѣстѣ такой смыслъ, который мнѣ не пришелъ бы въ голову. Въ педагогической практикѣ переводъ самъ по себѣ можетъ быть и полезенъ, и вреденъ, смотря по способу пользованія имъ,—все равно, какъ можетъ быть полезенъ и вреденъ огонь, ножъ и т. д. ²⁾ Вотъ напр., если учащійся выучиваетъ переводъ наизусть, не отдавая себѣ отчета, какое его слово соотвѣтствуетъ подлиннику, это бессмысленно и вредно. А мнѣ въ моей педагогической практикѣ приходится наблюдать такое явленіе нерѣдко.

Итакъ, предоставимъ пользованіе однимъ только переводомъ безъ подлинника людямъ, желающимъ лишь получить нѣкоторое понятіе о содержаніи произведеній автора. А мы,

¹⁾ Ср. разсужденіе Аристотеля о необычныхъ словахъ (*πρὸς ἑρμηνείαν*) въ поэтической рѣчи въ его „Питикѣ“ (*πρὸς τοὺς ποιητὰς*), гл. 22

²⁾ По словамъ Овидія (*Tristia* II, 266), *nil prodest, quod non laedere possit idem* „нѣтъ вещи, которая приноситъ пользу и которая не могла бы въ то же время вредить“

люди науки, должны работать по оригиналу, имѣя переводъ лишь въ видѣ пособія для пониманія текста и не слѣдуя ему рабски, а относясь къ нему критически. Если специалистъ, изучающій свѣтскую литературу, считаетъ себя обязаннымъ быть знакомымъ съ нею въ подлинникѣ, то на сколько болѣе обязанъ богословъ знать въ подлинникѣ какъ источникъ богословія—Св. Писаніе, такъ и вообще древне-христіанскую литературу! Я не хочу сказать, что филологія должна стать цѣлью для богослова; нѣтъ, богословъ всегда долженъ помнить, гдѣ его истинная цѣль; но въ филологіи онъ долженъ видѣть средство, и средство необходимое для достиженія намѣченной имъ цѣли: филологія должна быть для него вѣрной помощницей богословія.

Сергій Соболевскій.
